

Около церковных стен

Дмитрий Мережковский так и остался писателем, не став реформатором

Независимая газ. - 2006 - 2009гг. - с.7.

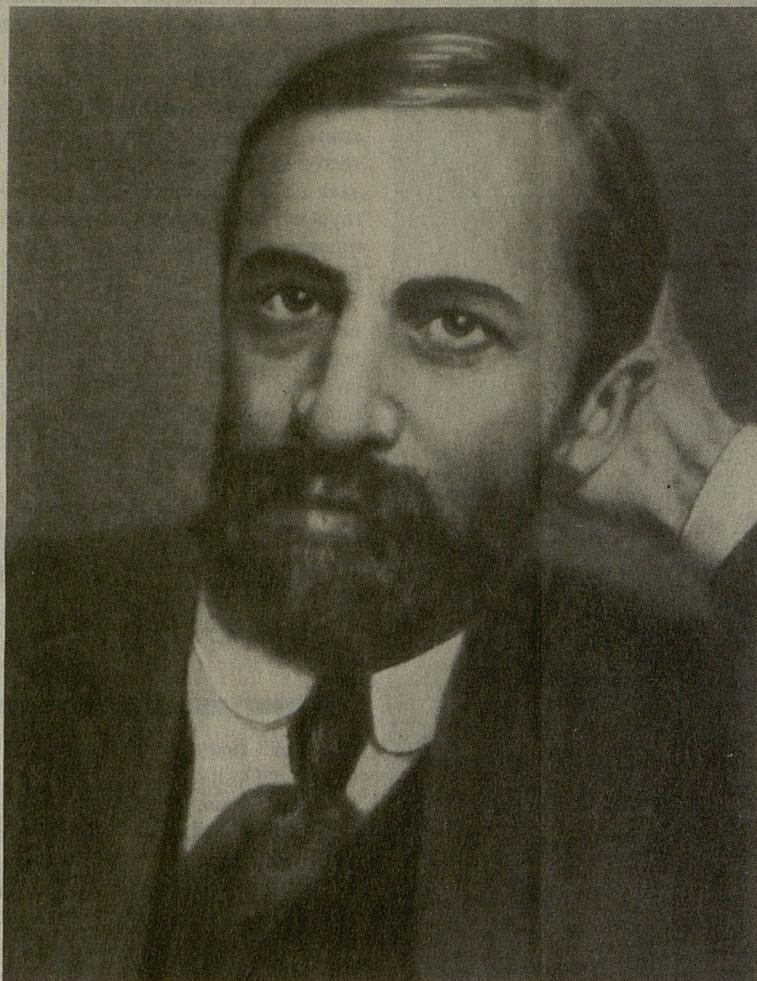
Евгения Иванова

Дмитрий Мережковский по числу изданных за последние годы книг занимает достойное место среди прочих известных в свое время писателей, незаслуженно забытых в России. Хотя, быть может, встреча читателя именно с его произведениями была не так успешна, как с произведениями Зинаиды Гиппиус-Мережковской – спутницы жизни писателя. Ее стихи, дневники и воспоминания не только выдержали несколько изданий, но и явно не потерялись в потоке возвращения имен, стертых из нашей памяти.

В частности, достаточно бесплодными оказались попытки вернуть исторические романы Мережковского. Воспитанный на Валентине Пиккуле, а теперь еще и на Борисе Акуanine читатель явно «не потянул» перегруженные философскими идеями картины прошлого, оказался не подготовленным к ницшеанским монологам Юлиана Отступника и созерцанию духовных бездн вместе с титаном Возрождения – Леонардо да Винчи (имеются в виду исторические романы Мережковского «Смерть богов (Юлиан Отступник)» и «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»). Две части трилогии «Христос и Антихрист», – «НГР»).

Еще более холодный прием ждал публицистику Дмитрия Мережковского. Реалии и споры той эпохи явно оставили равнодушным нынешнего читателя. Совсем неутешительной оказалась также судьба его историко-литературных очерков, хотя вряд ли в этом виноват сам писатель. И это жаль, поскольку многие мысли в книге «Вечные спутники» до сих пор звучат вполне актуально.

Центром всей общественной и литературной деятельности Мереж-

Дмитрий Мережковский.

Фото из книги «Писатели русского зарубежья»

ковского, огненной страницей его публицистики была борьба за религиозную реформацию, которую он вел всю жизнь. Может быть, втайне примериваясь к роли реформатора, он в конце жизни даже написал серию биографий «Реформаторы», куда вошли жизнеописания Лютера, Кальвина и Паскаля. В России Мережковский был одним из первых, кто на заре XX века пережил то, что католический богослов Романо Гвардини назвал «окликнутость Богом».

Среди интеллигенции, заинтересовавшейся проблемами духовного пробуждения, Мережковский играл заметную роль. Вместе с Зинаидой Гиппиус они первыми сделали религиозные проблемы предметом публичных обсуждений, организовав в ноябре 1901 года в Петербурге Религиозно-философские собрания. Именно там, по воспоминаниям Гиппиус, произошла единственная в своем роде встреча интеллигенции и духовенства. На встречах

совместно обсуждались вопросы, важные для обеих сторон: свобода совести, отношение христианства к насилию, проблеме брака и многие другие.

Настоящего диалога, между тем, не получилось. Гиппиус уверяла, что священнослужители испугались вопросов интеллигенции, поэтому не захотели и не смогли на них ответить. Но для того, кто возьмет на себя труд перечитать протоколы Религиозно-философских собраний, откроется совсем иная картина. Стороны явно не услышали друг друга, состоявшийся на этих собраниях диалог можно охарактеризовать строфой Федора Тютчева: «как демоны глухонемые ведут беседу меж собой».

Собрания были закрыты по инициативе обер-прокурора Синода Константина Победоносцева в 1903 году. Тем не менее именно они способствовали оформлению религиозной доктрины Мережковского, которую он называл религией Третьего Завета. По убеждению писателя, на смену Ветхому Завету, данному Богом-Отцом, и Новому Завету, данному Богом Сыном, придет религия Святого Духа. И еще до организации собраний он пробовал воплотить эту идею, создав собственную тайную общину. Богослужения по чину, написанному Гиппиус, о которых знал лишь узкий круг близких людей, совершались на их квартире.

Эту тайную общину супруги пытались сохранить и в эмиграции, но постепенно она распалась. Сначала от нее «отпал» переехавший в Париж и переключившийся на «воссоздание Святой Руси» Антон Карташев, затем осевший в Польше Дмитрий Философов. В итоге община оказалась «чисто семейным предприятием», и свои религиозные идеи Мережковский вынужден был

развивать на пространстве своих романов, где они высказывались то от лица Наполеона, то Жанны д'Арк, то Франциска Ассизского.

Мережковский пытался заново открыть миру личность Христа в книге «Иисус Неизвестный», вобравшей в себя его многолетние размышления о Спасителе. Жанр этой удивительной книги, как и жанр очерков об апостолах, святых и подвижниках, изданных под об-

от человека нечто большее, чем написание книг. Она требует поступка и жертвы, вступления на тот путь, который указан в евангельской притче о богатом юноше: «Раздай имущество и следуй за Мной».

Многолетние кабинетные размышления о Христе в уютном окружении книг в итоге создали лишь то, что можно назвать «диванным христианством». Мережковский, по воспоминаниям современников, в

Кабинетные размышления о Христе создали лишь то, что можно назвать «диванным христианством»

щим заглавием «Лица святых от Иисуса к нам», можно назвать словами писателя Бориса Поплавского «непрерывным интеллектуальным экстазом». Но удивительным образом эти «экстатические откровения», переведенные на ряд иностранных языков, не только не стали началом религиозного движения, но не собрали вокруг себя даже небольшой группы сторонников, которая в свое время собиралась на домашние собрания.

В чем же причина провала попыток Мережковского открыть человечеству глаза на новые религиозные истины? Василий Розанов писал о нем следующее: «О, как страшно ничего не любить, ничего не ненавидеть, все знать, много читать, постоянно читать и, наконец, к последнему несчастью, — вечно писать...» Область, в которую вступил Мережковский со своими реформаторскими устремлениями, требует

церковь ходил крайне редко. По его убеждению, в ней было слишком много несовершенного. Собственную Церковь Третьего Завета создать ему тоже не удалось, она маячила перед ним как вечное завтра. Создавалось множество разнообразных теорий, возникавших по самым разным поводам, тревожащих вопросов, порожденных чтением одних книг и поисками ответа на них в других.

Вряд ли он бы стал спорить с теми, кто утверждал, что «вера без дел мертва». Однако эти слова он переводил в другую плоскость: сначала надо утвердиться в вере, а только потом приниматься за дела. Подготовка к делам растянулась до конца жизни, и христианство Мережковского так и осталось чисто умозрительным.

Евгения Висторовна Иванова – доктор филологических наук.